

ЗИМНИМ заснеженным утром луч света выхватил из темноты фигуру обнаженного по пояс человека в спортивном трико, пробежавшего мимо меня по аллее Центрального парка. Темная грива непокорных кудрявых волос и глаза, добрые, умные, сияющие, совсем как глаза ребенка, показались знакомыми. В хорошо скоординированных движениях чувствовалась неистощенная молодая сила, радостно кипела стихия стремительного преодоления.

Что этот сумасшедший, бегущий навстречу пронизывающему ветру?! Вот он миновал здание театра... Стоп! Да

ности, натура чрезвычайно противоречивая. Выправка, независимый вид, изысканность манер, вычурность речи сочетаются в герсе Вискребенцева с затаенной неуверенностью в себе. Фрак на нем сидит так, будто он родился в нем. Перед нами блестящий придворный аристократ с поэтическим нутром, постоянно попадающий в чрезвычайные обстоятельства. Его голос звучит мужественно, импульсивно, вокально безупречно. Звуковая окраска постоянно меняется, возникает рельефный звуковой образ, подкрепленный прекрасной дикцией. Актер Вискребенцев знает цену деталям,

и самоотверженная, придает образу Марчелло особую глубину, объемность и человеческую привлекательность. Потрясают вокальные монологи Марчелло. Актер поет сердцем. Он живет на сцене не по законам быта, а по законам театра, при этом предельно, яростно искренен. Вискребенцев постоянно нацелен на зал и «бьет» по нему напором чувства, вызывая у зрителей немедленную ответную реакцию сопереживания. Всякий раз, когда замолкнет, еще живущий страстями спектакля актер выходит на поклон, потрясенная и благодарная публика приветствует его взрывом аплодисментов и криками «браво».

Еще одним открытием была для меня роль Южакова в спектакле А. Дериева «Ищите Пришельца!». Поначалу, в первом акте, мы замечаем только его улыбку, тихую и расслабленную навстречу миру. Потом — глаза, свет в них, открывающий душу. Для его ровесников важны лишь «мускульная» радость, авторитет силы, для Южакова иное: радость открытия неизведанного. Он с ними и отдельно от них, изначально не подверженный инстинктам толпы. Застенчивый и мягкий, не умеющий толком выразить свою мысль, он светится в каждый прожитый миг. Как это удается актеру? Второй акт спектакля — сон, в нем Южаков-Пришелец — обладатель сверхсилы и сверхвозможностей. Происходит поразительное превращение. Ощущение жестокой сверхсилы, исходящей от Пришельца, вызывает в зрительном зале шок. Зал становится подвластным ему не менее, чем те, кто находится на сцене. Игра оборачивается всеобщей фантазмагорией. Мягкий юношеский голос Южакова становится дьявольски чужим, с интонациями издевки. Перед нами человек-робот. Брэйк-пластика стала мощным средством выразительности актера, владеющего ею виртуозно.

Этапной работой можно назвать роль одессита Попандопуло из спектакля Б. Александрова «Свадьба в Малиновке». Есть роли, которые можно сыграть верно, но отсутствие незаурядной индивидуальности так и оставит их «ролями». Чтобы они стали живыми, их должно коснуться дыхание личности. В данном случае роль и исполнитель нашли друг друга, сбормировались. Его Попандопуло — большой артист, любитель покуражиться перед почтенной публикой, умеющий подать себя с особым, присущим только ему шармом. Уникальная способность Вискребенцева совершать непредсказуемые повороты в своем сценическом существовании, привнеси новые нюансы в жизнь своего персонажа. Сцена с Назаром — одна из самых удачных в спектакле. Здесь чередуются боль и сбеда, возмущение и тоска, доверчивость и ненависть. Мгновение — и перед нами обиженный, несчастный маленький человек, ощущающий дисгармонию своей жизни. Человек незаурядный, душевный, талантливый, он, видимо, завяз в жизни, так и не осуществив себя. И только в мечтах об Одессе, в нелепой фантазии, прожигаемой вьюгой и вновь как реальность, проявляются силы этой пылкой, порою нежной души. Мечты Попандопуло оживают в музыкальных номерах, блистательно исполненных актером. Такого Попандопуло мы еще не знали.

С нескрываемым наслаждением Вискребенцев играет для детей, особенно в бенефисной роли Кота в спектакле А. Дериева «Тот самый Кот». Здесь актер — поющий солист балета. Перед нами мастер-универсал. И как тут маленькому зрителю не полюбить театр!

За редким исключением герои Вискребенцева стлчаются удивительной человечностью. Они лишены ходелульной причесанности, прилаженности, безжизненной аккуратности. В них присутствует феномен непосредственности, которая ощущается в его виртуозной игре. Он создан нести радость.

Т. ВАСИЛЮК.

Инженер.

АКТЕР — ГЛАЗАМИ ЗРИТЕЛЯ

ТАЛАНТ БЕЗУДЕРЖНЫЙ, РАДОСТНЫЙ

ведь это Вискребенцев! Самый репертуарный актер театра музыкальной комедии, любимец публики Александр Вискребенцев!

Человеку свойственно даже в дни очень большого горя цепляться душой хотя бы за крохотную положительную эмоцию. Может быть, потому что сама жизнь не проста, чревата неожиданностями, требует постоянного напряжения, усилий, борьбы, как дорогой подарок преподносим лишь считанные минуты радости. И потому всегда бываешь благодарен настоящему художнику, который, раскрывая в своем творчестве глубину страстей человеческих, говорит: можно быть счастливым, жить все-таки стоит, это прекрасно!

Когда мне плохо, я иду «на Вискребенцева», чтобы со сцены он мне сказал: «Ничего, все будет хорошо». Это ощущение протянутой дружественной руки рождает его искрометное искусство. В чем секрет его удивительной, исцеляющей заразительности, в чем секрет его популярности?

Александр Вискребенцев, думается, оказался таким актером, в котором с удивительной точностью отразилось само наше время. Время необычайно динамичное, экспрессивное, требующее больших эмоциональных затрат, время очень неоднозначное. Не часто актеру приходится играть нашего современника, но он всегда воспринимается современно.

Вискребенцев располагает, кажется, неисчерпаемым запасом выразительных средств, безграничным обаянием и правдивостью чувств. Кажется, стоит только ему захотеть — и он станет великим танцовщиком, мимом, станет выдающимся певцом, эстрадным актером... От него исходит свет замечательной человеческой одаренности, незаурядной жизненной силы, которая освещает все вокруг себя. Восхищает юмор артиста. Не просто засмное от авторов слово, а юмер как состояние души. Как просто сегодня вызвать смех и как трудно растрогать человеческие сердца. Растрогать можно только искренностью. В нем течет истинная театральная кровь, кровь лицедеев.

Впервые Александра Вискребенцева я увидела на сцене шесть лет назад. Я увидела актера — личность, способную на привычно смотреть по-иному.

Казалось бы, что нового можно принести в трактовку образов так называемых классических спереточных проставков? Таков доктор Штерцель в «Голландочке» И. Кальмана — традиционно глуповат, добродушен, «прыгуч». Штерцель Вискребенцева — дерзкий и насмешливый авантюрист и эгоист, в котором, тем не менее, имеются представления о чести и человече-

умеет ими пользоваться. Несмотря на долгую жизнь спектакля, ничего в игре артиста не утрачивается, не тускнеет, остается ощущение импровизации.

В недалеком и неотесанном Зупане в «Марице» И. Кальмана живет детство, чистая игра, исполненная фантазии, и чувство счастья, блаженства, любви ко всему на свете, бескрыстия и беззаботности. Восхищаюсь, когда смотрю, как он озорничает на сцене, как в старину говорили, ломает комедию, с обманами, трюками, розыгрышами. Его Зупан издает, как сама музыка. Он красив и трогателен, искрометен и простодушен.

Но образы классических оперетт составляют лишь часть творческого багажа Вискребенцева. Невозможно забыть Ромку-цыгана в спектакле Г. Ивалова «Два цвета времени». Актер сумел наполнить образ таким теплом и болью, играл так психологически точно, что гибель Ромки всякий раз отзывалась слезами в зрительном зале.

Бродячий комедиант Марчелло в спектакле М. Самойлова «Страсти святого Микаэля» ведет всю интригу, объединяет все планы действия — лирический, драматический, комедийный, уверенно беря на себя его вихревой ритм, его резкие эксцентрические повороты. Вот где пригодился Вискребенцеву богатство пластических возможностей, неуемное вдохновение лицедейства, легкость перевоплощения. Спасая друга из лап святош, он предстает перед нами то монахом, больным страшной болезнью (синей чумой), то нищим калекой, то «святой кевестой», вызывая взрывы смеха в зале, то мужественным, бесстрашным рыцарем, исполненным любви к женщине, возлюбленной друга. Любовь эта, неразделенная, невысказанная (нельзя встать на пути друга), но благородная